

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Рейчел Хокинс
«ROYALS»

Кэти Макгэрри
«СКАЖИ, ЧТО БУДЕШЬ ПОМНИТЬ»

Кэтрин Флит
«ВЫБИРАЯ ТЕБЯ»

Джиллиан Додд
«ТОТ САМЫЙ ПАРЕНЬ»

Эбби Глайнс
«ЛУЧШЕЕ В ТЕБЕ»

Джейми Макгвайр
«ВСЕ ЭТОТ СВЕТ»

КЭТИ МАКГЭРРИ

СКАЖИ, ЧТО
БУДЕШЬ ПОМНИТЬ

Freedom

Москва
2022

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
М15

SAY YOU'LL REMEMBER ME © 2018 by Katie McGarry

"All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form. This edition is published by arrangement with Harlequin Books S.A.

This is a work of fiction. Names, characters, places and incidents are either the product of the author's imagination or are used fictitiously, and any resemblance to actual persons, living or dead, business establishments, events or locales is entirely coincidental.

©Cara Dolan/Stocksy United

Художественное оформление *Игоря Пинчука*

Макгэрри, Кэти.

М15 Скажи, что будешь помнить / Кэти Макгэрри ; [перевод с английского С. Н. Самуйлова]. — Москва : Эксмо, 2022. — 512 с. — (Freedom. PocketLove. Истории о любви, которые всегда с тобой).

ISBN 978-5-04-158032-2

Элисон Монро — дочь губернатора Кентукки, идеальная девушка с безупречной репутацией и мечтой однажды стать больше, чем хорошенькой куколкой в предвыборной кампании своего отца.

Хендриксон Пирс — несовершеннолетний правонарушитель и талантливый музыкант, согласившийся на сделку с прокурором, чтобы спасти близкого человека.

Они два разных мира, которым суждено встретиться и побороться за свою любовь. Оказавшись марионетками в политических играх, им предстоит не только выстоять против всех, но и побороть собственных демонов, которые грозят разрушить самое прекрасное чувство на свете...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Самуйлов С.Н.,
перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке,
оформление.

ISBN 978-5-04-158032-2 ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Первый подросток в губернаторской программе «Второй шанс» выбран. Он признает себя виновным в ограблении и покушении на нападение.

Джейн Трайидент, «Associated Press»

Лексингтонский подросток, арестованный за ограбление местного магазина самообслуживания и незаконное владение огнестрельным оружием, признал себя виновным и становится первым отобраным кандидатом для участия в программе «Второй шанс» губернатора Монро.

Разработчики программы, находящейся сейчас под сильным огнем критики, обещают покончить с так называемым каналом «школа — тюрьма». Американский союз защиты гражданских свобод определяет этот канал как «политику и практику, которые выталкивают наших детей, особенно детей из группы риска, из школьных классов в системы ювенальной и уголовной юстиции».

С целью замедлить рост уровня преступности среди подростков и сократить число тех из них, кто попадает прямоком в тюрьмы для взрослых, губернатор Монро, выполняя данное в ходе кампании обещание, создал программу «Второй шанс». Основное внимание уделяется терапии и специальным образовательным проектам, ориентированным на индивидуальные потребности в период тюремного заключения и призванным подготовить подростков к возвращению домой.

Критики указывают на то, что деньги, выделяемые штатом на «Второй шанс», нужны для финансирования других программ. Один наш источник, занимающий высокий пост и пожелавший остаться анонимным, заявил, что жители Кентукки не желают, чтобы их налоги тратились на подростков, которым невозможно помочь, а не на учащихся и студентов, которые мотивированы и стремятся к успеху.

С учетом сказанного, можно не сомневаться, что программа привлечет к себе пристальное внимание, и, как считают многие, политическое будущее губернатора будет зависеть от ее успеха или провала.

«Все говорят, ты начинаешь с чистого листа.» Мой брат, Экл, сидит рядом, положив руки на согнутые колени, и смотрит на костер, который я собственноручно сложил из палочек и веточек и запалил кремнем. За последние три месяца я еще много чему научился. Тому, например, как выжить в одиночку в полном безлюдье.

Лес и медведи — не проблема. Теперь, когда я дома, проблема в том, кому можно доверять. Экл это знает. Потому-то он здесь, со мной, тогда как наши друзья и родственники собрались на заднем дворе ради второпях организованной вечеринки, устраивать которую я не хотел.

Есть на этой вечеринке и тот, из-за кого я год провел вдали от дома за преступление, которого не совершал.

Напряжение сковывает шею, и я кручу головой, стараясь выпустить злость. Мне понадобилось почти восемь месяцев, чтобы найти душевное равновесие, но не прошло и тридцати минут, как зата-

ившийся было гнев, преследовавший меня, словно темная туча, опять вернулся.

Напротив нас две девчонки, школьные знакомые, жарят на огне маршмеллоу. Ждут, что я заговорю с ними. Таким я был раньше: любил потрепаться ни о чем, знал, как рассмешить девчонку, как заинтересовать ее несколькими специально подобранными словечками. Улыбочка в нужный момент, и вот уже трусики сброшены. Но сейчас мне не до разговоров и манипулировать кем бы то ни было нет ни малейшего желания.

Подумать только, раньше я жить не мог без компании. Чем больше, тем лучше. Но после восьми месяцев в центре содержания для несовершеннолетних правонарушителей и еще трех в глуши по программе «Раздвинь границы» мне больше по вкусу посидеть в одиночку перед костром.

— Все подтверждают, доступ к информации по твоему делу закрыт, — продолжает Эксл.

Он умалчивает о том, что так будет, если я выполню свою часть сделки — соглашения, достигнутого с окружным прокурором после моего ареста. Я признал себя виновным, а окружной прокурор не стал предъявлять мне обвинения как совершеннолетнему и не отправил во «взрослую» тюрьму строгого режима. Учитывая, что денег на такого адвоката, который доказал бы мою невиновность, у нас не было, сделка представлялась лучшим из двух вариантов.

— Ты получаешь отличный второй шанс.

Во всю эту заварушку я попал случайно — просто так вышло — но попал в удачное время. Наш губернатор как раз искал подростков-пра-

вонарушителей для своей пилотной программы. Кто-то наверху решил дать мне шанс повернуть жизнь в нужном направлении, но этот шанс имеет цену. Цену, которую мой брат мне сейчас и называет.

— Вариант хороший. Начать с чистого листа. Немногим такое удается.

Чистый лист. Это меня и страшит. Может, в том, каким я был до ареста, мне нравится не все, но я, по крайней мере, знал себя. Этот чистый лист, эта возможность стать кем-то другим пугает. Этот новый тип давления. Раньше у меня хотя бы было какое-то оправдание. Теперь если облажаюсь, то только потому, что со мной действительно что-то не так.

Костер потрескивает, потом вспыхивает, и угольки улетают в майскую ночь. Моя младшая сестра смеется на другом конце узкого двора возле старенького дома-пенала, и ее смех напоминает звон тарелок хай-хэт¹. Так знакомо, так приятно. Я впервые чувствую себя по-настоящему дома.

Ей сейчас шестнадцать, выросла быстрее, чем хотелось бы. Она — одна из четырех людей на свете, которых я люблю больше жизни. А еще единственная причина, почему я здесь, а не в своей тесной комнатухе. По словам Экса, это Холидей пришло в голову устроить вечеринку.

От дуба к дубу, через двор развешены зигзагом старые рождественские гирлянды — зеленые, красные, голубые. Большинство гостей пришли со своими стульями и угощениями. Первый обед сво-

¹ Тип тарелок, используемых в ударных установках.

бодного человека — гамбургеры, хот-доги и картофельный салат. Чего бы я только не отдал за кусочек толстой хрустящей пиццы, но сказать об этом сестренке духу не хватает.

— Она по тебе скучала, — говорит, перехватив мой взгляд, Экл.

— Я по ней тоже. — Это мои первые слова с тех пор, как мы съехали на дорожку. Раньше я всегда бывал душой компании, заводилой, но теперь, не разобравшись толком в себе, по большей части помалкиваю.

— Мне тебя не хватало, — говорит брат едва слышно. — Без тебя здесь все было не так.

А будет ли когда-нибудь по-прежнему? Этого никто не знает.

— Тот придурок здесь?

Экл смотрит на Холидей, которая как раз толкает в плечо моего лучшего друга, Доминика. Оба улыбаются. Доминик в шутку берет ее в захват, но она легко выскальзывает. А потом — как говорится, помяни черта, и он появится — на горизонте вдруг вырисовывается сам поганец, бывший бойфренд Холидей.

Неровные волны черных волос, футболка с надписью «Styx», как будто он присвоил право на владение всем, что связано с рок-н-роллом, и на физиономии улыбочка, при виде которой так и хочется вколотить зубы ему в глотку. Если бы пройденный за последний год курс терапии дал положительный результат, я бы не испытывал сейчас тайного злорадства при виде его кривого носа и шрама. И то и другое — знаки, оставленные моим кулаком в прошлой жизни. Он заслужил их тогда своим отно-

шением к моей сестре. Думаю, заслуживает чего-то такого и сейчас.

Возникнув рядом с Холидей, Джереми обнимает ее за талию с таким видом, будто для него это обычное дело, а моя сестричка цветет и тает от удовольствия. Стройный и даже изящный, парень выглядит болезненно бледным, особенно в сравнении со смуглой, пышущей здоровьем Холидей.

Сестра пошла в мать. По крайней мере, такой вывод можно сделать, глядя на фотографии ее матери, когда та была моложе. Чернокожая, с танцующими глазами и улыбкой, которая могла осветить самую темную ночь. Кожа у Холидей светлее, но в остальных отношениях она — копия матери.

Джереми уводит мою сестру от Доминика, от всего хорошего, что есть в мире, и затягивает в тень. Я вижу их в сумерках и прикидываю, не проверит ли еще раз его нос на прочность.

— Ты же сказал, что они вроде бы расстались.

— Она с ним порвала, — подтверждает Экл. — Примерно полгода назад. Но за пару месяцев до твоего выхода он снова приполз — мол, все понял, стал другим. На прошлой неделе Холидей его приняла, и я сказал ей, что есть правила. Мне нужно, чтобы и ты их вспомнил. Если она нарушит правила, нам придется проявить твердость.

Двадцатилетний кровельщик, посещающий вечернюю школу, чтобы стать фельдшером «Скорой», и семнадцатилетний правонарушитель воспитывают шестнадцатилетнюю девочку. Такое нарочно не придумаешь.

— А есть среди этих правил такое, что ему запрещается подходить к ней ближе чем на сотню футов? Судебный запрет, так оно называется, да?

— Она клянется, что он изменился.

Изменился. Предполагается, что изменился как раз я. В лесу, где наш психолог говорил о готовности прощать. Если я не простил парня, который довел до слез мою сестру, значит ли это, что я остался прежним? — А он изменился?

Экл поджигает губы. Палочка летит в огонь, пламя охватывает ее и в считанные секунды превращает в пепел. Да. Такой ответ — пинок в живот.

— Я слишком много говорю. Толкаю ее прямо в его объятия, — хмыкает Экл.

Я сам живое тому подтверждение. Перед самым арестом поцапался с сестрой из-за этого придурка, и в результате все закончилось не лучшим образом.

— Держусь тихо, как будто выставил ее душу на продажу. Никто не вручил мне пособие по воспитанию подростков, когда бабушка Холидей подписала документ о передаче прав опекуна. До того никаких правил Холидей не знала. В моем доме они есть. В остальном полагаюсь на импровизацию.

Исподтишка бросаю взгляд на старшего брата, жду, что он объяснит, какие чувства питал ко мне перед моим арестом. Вот только я ни в какие плохие руки не попадал. Меня родители просто ненавидели.

— Но ты вернулся, — продолжает Экл, — и теперь у тебя будет возможность присмотреть за ней. А я смогу наконец определить какие-то границы. Правила. По крайней мер, ограничить время, которое она проводит с ним.

— Думаешь, послушает? — спрашиваю я. — Будет выполнять правила?

— Может, она и не слушает то, что касается Джереми, но все остальное выполняет четко.

Для непонятливых перевозжу: Холидей — не я.

— Мне тоже установишь правила?

Эксл фыркает:

— А тебе без них никак?

Может быть, но в ответ я только поднимаю пальцы.

— Как тебе такое: ты больше не облажаешься.

— Понял. — По крайней мере, надеюсь, что так оно и есть.

— Как дела, Эксл? Привет, Дрикс! — Старый приятель — когда-то мы вдвоем устраивали концерты в местных клубах — здоровается за руку с Эксллом и кивает мне. «Привет, ты как?» «В порядке».

Они разговаривают, а я смотрю то на них, то на огонь.

Мой старший брат — теперь еще и мой опекун. Так постановил суд. Слишком много глупостей я наделал, живя с мамой, а папа не из тех, на кого можно положиться. Эксл на девять лет старше, у него приличная работа, а еще ему достались по наследству все рецессивные гены ответственности, которых нет ни у мамы, ни у папы.

Мы с Эксллом пошли в отца. Русые волосы, темные глаза, тяжелый металл в душе. В том, что касается музыки, наши пристрастия, в общем-то, не изменились, хотя стиль уже не тот. У него обе руки в татуировках и серьги в ушах, а я ни тату, ни серьгами не увлекался и волосы

носил до плеч, тогда как Эксл сбрасывал их под корень.

Первым, с чем я столкнулся, попав в центр содержания для несовершеннолетних правонарушителей, была стрижка «под ноль». Сейчас волосы немного отросли, но на висках они едва заметны, а сверху торчат ершиком, как будто это мой собственный выбор. Как сказала Холидей, когда я пришел домой, у меня стрижка хорошего парня и походка плохого.

Друг уходит, прощаясь с Экслом, ударившись кулаками. Меня похлопывает по спине. Молодцом, брат. Ты все пережил — и внутри, под замком, и снаружи, в лесу.

— Странно, что ты в разговор не вклинился, — говорит брат.

Да, странно. Не быть в гуще событий. Не рассказывать какую-нибудь забавную историю. Не смешить компанию забавной шуткой и не смеяться громче всех, слушая другого.

Раньше я пил, чтобы напиться, врезать кому-нибудь, помахать кулаками, а утром пожалеть о случившемся.

Теперь я другой — спасибо годовому курсу групповой терапии. Семь ее месяцев прошли за решеткой, еще три — в лесу. Три месяца пеших походов, спусков на байдарке по забытым рекам, восхождений на вершины. Три месяца полного изнеможения, такого, что когда мне вручили рюкзак весом в пятьдесят фунтов, я даже и не понял, хорошо это или плохо.

В пятнадцать лет меня отправили жить с мамой, и хотя многое из того времени мне не-

приятно, было в нем и кое-что хорошее. Я не огорчаюсь оттого, что потерял плохое, но мне становится не по себе при мысли, что утрачено также и хорошее.

— Как разыграем? — спрашивает Эксл. — Чем я могу помочь?

Речь идет не о вечеринке — брат имеет в виду, как мы уживемся втроем: я, он и Холидей. Как я приспособлю части прежней своей жизни к жизни новой, определенной судебной сделкой. В конце концов Эксл говорит о том, о чем мы никогда не говорили после моего ареста.

О том, что на самом деле преступление совершил кто-то, кого мы оба знаем и любим.

Мы оба думаем, что это была Холидей на пару с Домиником или Доминик сам по себе. Ни она, ни он за решеткой не выжили бы. Я — дело другое. Я не сломался, и для меня важно одно: чтобы семья верила в мою невиновность. Они и верили, а вот полиция — нет. К тому же на меня указывали улики. Вот почему Эксл и говорит, что нам еще повезло с той сделкой.

— Это хорошо, что ты снова сможешь играть, — продолжает брат. — На ударных лучше тебя никого нет.

Ударные. Все последние месяцы я мечтал о том, как снова сыграю на барабанах. Без родных, без барабанов — мне как будто отрубили руки. Я и потому еще не обрадовался этой вечеринке, что иначе представлял себе возвращение домой, думал, что пройду сразу же в гараж, сяду в тишине за установку, а потом сыграю. Почувствую ритм в крови, в сердце. Почувствую, как музыка заполняет пустую

